

и четырнадцатилетней оскорблённой им девочки... Он поставлен рядом с Раскольниковым как его тёмный двойник" (К. Мочульский). Достаточно внимательно прочитать (ученикам) или перечитать (учителям) роман, чтобы удостовериться в том, что Свидригайлов жену не убивал и не покушался на это (в чём уверен даже его злейший враг и соперник Лужин), крепостного слугу физически не истязал (по свидетельству Дуни), да и девочку скорее всего не насиловал (в чём его внятно не в состоянии обвинить даже Лужин) — словом, что он, в отличие от Лужина, отнюдь не "безнадёжен". Жена его совсем не ангел — и тем не менее он прожил с ней семь лет более или менее мирно.

Что же до "двойничества" с Лужиным, думается, настаивающие на этом Ю.Ф. Карякин и К.И. Тюнькин несправедливы. Лужин хладнокровно и расчётливо покупает юную невесту, клеветает на Раскольникова и Соню. Свидригайлов же по собственной инициативе устраивает судьбу сирот Мармеладовых и Сони с Раскольниковым и не просто любит Дуню, но стремится заслужить её любовь добрыми делами, потому что без неё он, как ни хочет, но не может возродиться к иной, добродетельной жизни. Он даже готов к гибели от её руки, вроде бы заманив её в ловушку: зверь в нём пасует перед любящим (а не просто испытывающим страсть

к женщине) человеком. А в чём они "двойники" с Раскольниковым, опять-таки убедительнее всего сказано у Мережковского: "Оба они — преступники, у обоих громадная сила воли, мужество и сознание, что они рождены для чего-то лучшего, а не для преступления, оба одиноки в толпе, оба мечтатели, оба выброшены из обычных условий жизни — один безумною страстью, другой — безумною идеей... В развратном, погибшем человеке — в Свидригайлове — открывается возможность добра и подвига (как, собственно, и в Раскольникове; отличие от последнего — Дуня не хочет и даже не обещает стать для Свидригайлова Соней, потому — и совершенно не от скуки — он и застреливается: от полной безысходности. — Ф.Н.)... Его характер создан из поразительных контрастов, из самых резких противоречий, и несмотря на это, а может быть, благодаря этому, он до такой степени живой, что нельзя отделаться от странного впечатления, что Свидригайлов больше, чем лицо романа, что когда-то знал его, видел, слышал звук его голоса".

Моя позиция ясна, но я вовсе не собираюсь обращать учащихся в свою веру. Пусть читают и думают сами. Пусть спорят. А вот аргументированно спорить, вырабатывать в процессе чтения и спора разномыслие и даже инакомыслие — я им обязан помочь.